

ИГРЫ ГЕРОЕВ

ВАДИМ ФИЛОНЕНКО

МАГ
ДЛЯ ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ
КЛИНОК ЗМЕЕНОСЦА

ЖАН
РЫ
АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ф55

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «Игры героев» основана в 2014 году

Дизайн переплета — *Василий Половцев*

Внутреннее оформление — *Андрей Фerez*

В оформлении переплета использована иллюстрация
Яны Половцевой

Филоненко, Вадим Анатольевич.

Ф55 Маг для особых поручений. Клинок Змееносца / Вадим Филоненко. — Москва : АСТ, 2015. — 416 с. — (Игры героев).

ISBN 978-5-17-087873-4

Их называют Должниками. Они рождены, чтобы выполнять приказы Змееносца, стать его разящими клинками. Не думая, не рассуждая, слепо повиноваться чужой воле. Аль ри Эстан — самый сильный из Должников. Получив задание, он вынужден во что бы то ни стало выполнить его — или погибнуть. Но что же делать, если тебе приказано... убить друга? Вначале спасти ему жизнь, а потом собственноручно казнить?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-087873-4

© В.А. Филоненко
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Ч а с т ь
первая

ДОЛЖНИК

Я рожден палачом, не моя в том вина.
Скоро я осушу чашу смерти до дна.
Я убью и погибну, и лишь воронье
Будет знать, где покоится тело мое.

Фил Диммар

1

— Нас было двадцать Должников — мальчиков, рожденных в День Змееносца, в тот самый день, когда очередной Змееносец спустился в Тоннель, чтобы своей жизнью оградить мир от скверны. Он умирал долго, в мучениях, и в последние мгновения его жизни появились на свет мы — носители его боли и великого долга перед ним.

Эта боль присутствует в нас на протяжении всей нашей жизни. Мы свыклись с ней. Почти не замечаем ее, как не замечаешь горб или косоглазие, если живешь среди таких же, как ты сам, и уродство дано тебе от рождения.

Для нас постоянная боль — норма, и мы очень удивлялись, когда узнали, что остальные люди не чувствуют ее.

Но в этом заключается и наша сила — на фоне привычных ежедневных мучений любая другая боль кажется ничтожной, поэтому люди называют нас бесчувственными.

Впрочем, бесчувственными нас называют не только за это...

Впервые я узнал, насколько сильно отличаюсь от остальных людей, когда мне исполнилось пятнадцать. Одним жарким летним днем Наставник послал меня с запиской в город к лекарю...

Вообще, при рождении Змееносцы забирают нас у матерей и помещают в общину под присмотр Наставника. Наставник назначается Змееносцами из числа жителей любого мира, кроме Звездного. Не знаю уж, чем они руководствуются при выборе, но...

В общем, Наставникам не позавидуешь. Еще бы! Добровольно отказаться от привычной жизни, семьи, общества себе подобных и практически запереться в общине с несколькими десятками младенцев, для которых ты становишься самым дорогим и близким существом на свете. Ты растишь их с младых ногтей, учишь и пестуешь, а потом... потом по одному отправляешь их на смерть...

Что говорить... Мы любили своего Наставника. Немного боялись — характер у него еще тот.. тяжелый, одним словом... И все как один старались ему подражать.

Аль замолчал. Он и сам не понимал, зачем рассказывает о себе этому оборотню-урмаку, но в глубине души был рад выговориться. Ему казалось, что оборотень по имени Темьян способен понять и разделить его чувства.

— А что с запиской-то было? Поехал ты к лекарю, а дальше? — поторопил Темьян. Сейчас он имел облик Снежного Барса. Урмак вольготно развалился на мягкой травке, вытянув лапы, и щурился на яркое солнышко.

— Пошел, — поправил Аль, — община располагалась неподалеку от городской черты. Я и раньше бывал в городе. Раз в месяц Наставник водил всех нас на ярмарку, разрешал вволю наесться сладостей, пострелять из детского лука по соломенным мишеням, покататься на каруселях и посмотреть представление бродячих мимов. Мы любили бывать на ярмарке, хотя нам не позволялось разговаривать с другими людьми, а уж тем более с детьми.

Каждый раз перед выходом в город Наставник отводил нас в святилище и брал клятву, что в городе мы

станем общаться только друг с другом, на посторонних людей нам не разрешалось даже смотреть. Полагалось опускать глаза или скользить взглядом по лицам, не видя чужих глаз.

Этому нас обучали особо: глядеть, не видя чужих глаз и не позволяя посторонним увидеть свои.

Тогда мы еще не понимали — почему. Не понимали, но воспринимали как должное...

А в тот день Наставник передал мне записку и сказал, что я пойду в город один.

«А клятва? — спросил я его. — Мне же нужно принести клятву, что я не буду ни с кем разговаривать».

«Нет, Аль, — перебил меня Наставник. — Сегодня ты можешь общаться со всеми, с кем встретишься. Больше того, сегодня тебе НУЖНО это делать. Смотри внимательно на всех людей, которые попадутся тебе навстречу, смотри в глаза, а потом, вернувшись, расскажешь все подробно мне».

И я пошел.

Сказать, что я волновался, значит не сказать ничего. Мне было страшно и в то же время... восторженно, если ты понимаешь, что я имею в виду...

Барс кивнул, и Алю на миг показалось, что перед ним не оборотень, а Должник — такой же, как он сам, такой же, как оставленные дома товарищи. Аль помотал головой, стараясь избавиться от наваждения.

— Рассказывай дальше, — поторопил Темьян.

— Я шел, а мир вокруг приобретал особенную четкость и яркость. Краски, запахи... Я видел каждую прожилку на листьях окружающих дорогу деревьев и кустов. Знал точно, сколько камешков на дороге. Чувствовал запах каждого цветка на обочине... Со мною раньше никогда не случалось ничего подобного.

Эти новые ощущения настолько захватили меня, что поначалу я забыл о распоряжении Наставника разглядывать всех встречаемых людей и смотреть им в глаза.

Я спохватился и пристально уставился на приближающуюся пожилую женщину. Она несла корзины, связанные веревкой на манер коромысла и перекинутые через плечо. Ей было очень тяжело. Колочая веревка впивалась в тело, причиняя боль, от которой не спасала даже грубая ткань крестьянского домотканого платья. От жары и духоты у женщины разболелась голова.

Я понял все это сразу, как только заглянул в ее усталые, в красных прожилках глаза и разглядел капли пота на лбу и шее.

Помню, меня совсем не удивило мое знание. А знал я об этой женщине абсолютно все. Что дома у нее двое сыновей-малолеток и дочь на выданье. Что ее муж погиб прошлой зимой — провалился под речной лед, когда вез хворост из ближайшего леса. Провалился вместе с лошадьёю. Та хоть и старая была, но все ж в хозяйстве подмога, а без нее...

Да, семья этой женщины пережила тяжелый год. По весне едва с голоду не померли, но, слава Змееносцам, сосед-мельник подкинул пуд муки. Не просто так подкинул, а как будущим родичам — посватался к дочери. А той люб другой — молодой да горячий. Всем хорош парень, да только сам гол как сокол. Мельник же хоть и стар, да богат. Дочка плачет, не хочет за мельника идти. Но такова доля бесприданницы — достанется девица не любимому да нищему, а постылому толстому, краснолицему мельнику, который ей в отцы годится, зато состоятельному.

«Ничего, стерпится — слюбится. Главное — младшеньких поднять. А то у малого в легких болотная хворь завелась, харкает едва не кровью, а на лекаря денег нет... Может, мельник даст после свадьбы, не бросит же шурина-малолетка заживо гнить. Эх, только бы дочка глупостей не натворила!» — подумала женщина и горестно вздохнула, а я словно очнулся.

Оказывается, она уже давно прошла мимо, вдалеке на дороге маячил ее крошечный силуэт, а я стоял перед городскими воротами.

Да... Тогда я впервые испытал глубокое погружение в жизнь чужого существа, и это произвело на меня очень сильное впечатление. Я почувствовал жалость к этой женщине и ее детям и острое желание помочь. Я знал, что могу это сделать, мне по силам излечить болотную хворь и добыть денег на приданое дочке.

Я повернулся, чтобы догнать ее, и меня тут же скрутила такая судорога боли, что зашумело в ушах и земля ушла из-под ног. Меня рвало, из носа и ушей хлестала кровь, а штаны стали мокрыми и горячими от испражнений. Я выл и катался по земле.

Ко мне бросились перепуганные стражники, пытаясь помочь. Но помочь себе мог только я сам. Жесточая физическая боль изгнала из моей души воспоминания о той женщине. А как только пропала жалость к ней, тут же исчезла и боль.

Помню, я сидел на дороге, с ног до головы перемазанный собственной кровью, блевотой, дерьмом, и плакал — зло и отчаянно, потому что где-то в глубине души понимал: детство кончилось, только что я действительно стал Должником...

— И что, такое бывает каждый раз, когда ты испытываешь жалость к кому-нибудь? — осторожно уточнил Барс.

— Нет, — помотал головой Аль. — Нет. Я больше не умею испытывать жалость... За последующие тринадцать лет меня отучили от очень многих вещей, в том числе и от жалости к другим. Не сразу, конечно... А в тот день... Стражники подняли меня, завели в караулку. Заставили залпом выпить кружку холоднющего вина. У меня сразу свело зубы, а в голове приятно зашумело, и на душе стало легко... Да, я тогда сильно опьянел. Еще бы! Много ли надо пятнадцатилетнему мальчишке, ни разу в жизни не пробовавшему хмельное!.. От стражни-

ков пахло потом, табаком и горячим металлом, и я, помню, отчаянно захотел стать одним из них...

Темьян-Барс понимающе вздохнул и спросил:

— И ты пошел назад в общину?

— Нет, — покачал головой Аль. — В нас с рождения вкладывали одно простое правило: если ты получил приказ, во что бы то ни стало обязан выполнить его. Сдохнуть, а выполнить... А для меня в тот день приказом являлось задание передать записку лекарю... Оклемавшись, я вышел из караулки и пошел по городу разыскивать нужную улицу. Вид у меня, конечно, был еще тот. В перепачканной блевотой и дерьмом одежде, с засохшими кровавыми подтеками на лице. Да и пахло от меня так, что встречные люди морщились и переходили на другую сторону улицы. Представь, каково это для пятнадцатилетнего подростка! Самолюбивого и неуверенного в себе!

Аль сделал паузу, улыбаясь воспоминаниям.

— Да уж, — фыркнул Темьян.

— Я шел, из последних сил стараясь не обращать внимания на гримасы встречных, и только это спасло меня от повторения приступа. Лекарь встретил меня понимающим взглядом и повел на кухню, велел кухарке нагреть воды... Теперь-то я знаю, что Наставник загодя предупредил его. Лекарь знал, в каком непотребном виде я появлюсь... Пока я отмывался в лоханке, он принес новенькую с иголки одежду, словно на меня пошитую... Ввернее, на меня и пошитую, говорю же, все было подготовлено заранее... А потом пригласил меня отобедать с ним и его семилетним сыном.

Обед я запомнил плоховато. Помню только, что его сын тарашился на меня, открыв рот. Я же ел, не чувствуя вкуса, и боялся поднять глаза. А дальше произошло нечто не учтенное моим Наставником. В самый разгар обеда с кухни раздался истошный женский крик. Лекарь с мальчишкой бросились туда, а я сидел как пригвожденный и изо всех сил пытался оттянуть неизбежное.

В комнату вернулся мальчишка и, рыдая, стал рассказывать, что Мийя, служанка, споткнулась и в падении напоролась на железный крюк. У нее выбит глаз, она упала в обморок от боли, а вокруг кровищи, кровищи! Мне удалось выдавить из себя лишь жалкое: «Да?» А рыдающий мальчишка завел по новой: про глаз, обморок и кровь. И тут я случайно взглянул ему в глаза...

Тотчас я почувствовал боль несчастной девушки как свою собственную. Ни разу в жизни не видя Мийю, я точно знал, как она выглядит, как живет, о чем мечтает.

Ей очень нравится ее хозяин-лекарь. Он вдовец и вообще очень привлекателен. Он добр, щедр, а по ночам бывает удивительно нежен. И сынишка у него хороший, весь в отца. Мальчик дружит с ней, а один раз, забывшись, назвал ее мамой. А теперь она уродина, калека, и жизнь ее кончена раз и навсегда. Лекарь теперь ни за что не возьмет ее в жены. Да что там в жены, даже не захочет отныне делить с ней постель...

Я окунулся с головой в ее горе, в ее боль. Испытал жалость и страстное желание помочь. И меня снова скрутила судорога. Все повторилось, как там, на дороге, — кровь, рвота и дерьмо. Мой организм сопротивлялся жалости, но мое сердце еще не умело мириться с чужой бедой. Превозмогая дикую боль, я тянул, оттягивал на себя судьбу Мийи, забирал ее рану и отчаяние и постепенно начинал видеть ее глазами — обоими, потому что на лице женщины не оставалось и следа от страшной травмы.

Мийя снова была цела и здорова. Лекарь прижимал ее к себе, вытирал ей слезы и шептал что-то успокаивающее, не понимая до конца, что же произошло. А потом понял и рванулся ко мне, но я уже был без сознания...

Очнулся я в общине. Чисто вымытый, лежал на своей койке, а вокруг молча сидели испуганные и нахохлившиеся товарищи.

Увидев, что я открыл глаза, Коль спросил:
«Так что там было с тобой в городе, Аль?»

А на следующий день в город с запиской пошел он сам. На этот раз записка адресовалась кузнецу...

Коля привезли под вечер на телеге. Он был без сознания, весь в крови и дерьме. Мы тщательно отмыли его, переодели во все чистое и осторожно уложили на кровать. Пока он приходил в себя, мы молча сидели на койках и ждали. Когда Коль очнулся, никто не задал ему вопроса. Он рассказал все сам...

Так каждый день кто-то из нас уходил в город. Некоторые возвращались на своих двоих, большинство привозили на телеге...

Как только последний из нас прошел «пытку жалостью», Наставник собрал всех и объявил, что сегодня мы отправляемся в город вместе. Нам разрешено делать все, что захотим. Условие одно: держаться вместе и не разбредаться.

И мы пошли в город. Наученные горьким опытом, старались не глазеть по сторонам, чтобы случайно не войти в соприкосновение с чужой судьбой. Решили, как обычно, пойти на ярмарку. Там от души посмеялись на представлении мимов, налопались сладкой липучки и захотели пить. Наставник повел нас в трактир. И тут мы все обалдели — по знаку Наставника трактирщик выставил на стол бутылку кислого яблочного вина.

Пока мы нерешительно переглядывались, Наставник разлил вино по чаркам. Мы выпили, и Наставник тут же налил нам еще. А потом еще. И только после этого на столе появилось огромное блюдо с жареными овощами.

Трактир постепенно заполнялся народом. Заиграли музыканты, у дальнего стола столпились картежники. Внезапно Наставник подмигнул Колю и, указывая на одну из девушек, сказал:

«По-моему, она хочет с тобой потанцевать».

Коль напрягся и почти протрезвел. Мы все затаили дыхание.

Мы, конечно, знали, в чем заключается различие между женщиной и мужчиной, но общаться с представительницами прекрасного пола нам еще не доводилось.

«Иди, пригласи ее на танец», — уже тверже повторил Наставник. Он не добавил условной фразы: «это приказ», но никто из нас и так не сомневался в этом.

«Мы не умеем танцевать», — промелькнуло в наших головах, и каждый вздохнул с облегчением, что такой приказ получил Коль, а не он сам...

Коль поднялся и, спотыкаясь, побрел к девушке... Аль замолчал.

— И чем дело закончилось? — с интересом спросил Темьян.

— Коль получил согласие на танец и довольно неуклюже выполнил положенные движения. Девушка кокетничала с ним и весело смеялась. Постепенно он освоился и даже что-то отвечал ей. Когда танец окончился, Коль не сразу вернулся за стол, а еще долго разговаривал с девушкой. Когда вновь зазвучала музыка, он буквально подбежал к нашему столу и умоляюще взглянул на Наставника:

«Можно я снова приглашу ее?»

«Вы все можете делать что хотите», — напомнил Наставник, и Коль умчался, блестя глазами. А мы ощутили зависть.

Наставник оглядел нас и сказал:

«Сегодня здесь собралось много девушек...»

Да, в тот вечер в трактире и впрямь оказалось непривычно много женщин от восемнадцати до двадцати пяти. Тушуясь и отчаянно борясь с собой, мы все разбрелись в поисках партнерш по танцам. Девушки были милы с нами и охотно соглашались танцевать...

— Они были наложницами, да? — догадался Темьян. — Ваш Наставник купил их для вас на время?

— Да, только у нас нет наложниц. В Звездном мире отсутствует рабство. У нас подобные женщины называются интаками, что можно перевести как «служи-